

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Чокнутая KARAMELка

Никто, кроме нас

Кристина Чокнутая KARAMELka

Никто, кроме нас

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чокнутая KARAMELka К. А.

Никто, кроме нас / К. А. Чокнутая KARAMELka — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Это незаконно?" - спросил я вдруг. Вопрос слегка озадачил моего собеседника: фарфоровые глазки забежали в стороны, а маленькие ручки вытащили и вновь принялись комкать платок. "Законы принадлежат тем, кто их устанавливает и создаются для того, чтобы поддерживать порядок и мир. Мы нарушаем их с той же целью" Ага. Незаконно, значит. Муха на потолке оторвалась от потолка, прокружилась вокруг своего места и села на лампочку. Содержит нецензурную брань.

© Чокнутая KARAMELka К. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

«Мне кажется, я больше не буду тебе писать. Да, кстати, привет и всё такое, да.

Знаешь, с каждым разом мои сообщения к тебе всё реже и короче. Но не думай, что я тебя забуду. Я никогда тебя не забуду, ни за что. Просто знай это, знай это так же просто, как ты забыла меня»

И забавно, и стыдно. В 1948 году Советский Союз купил американский фильм «Гроздь гнева», чтобы показать советским зрителями все язвы и пороки капитализма. Через несколько дней фильм был снят с проката, потому что люди обращали внимание на то, что бедный, разорившийся фермер одевался лучше советских колхозников, мог купить себе подержанный грузовичок и держал дома оружие. История содержит безумное множество таких печальных «упс»ов, которые показывают настоящую глупость человечества.

А.Б. Андрей Болконский. Алекс Бэй. Забавное совпадение. Над человеком на миллиарды километров простирается бескрайнее голубое небо, глубина которого перехватывает дыхание вместе с заполнившей глотку кровью. В клубящихся облаках летала птица. С высоты лились нескончаемые потоки холодной воды, падающие прямо на горячую кожу.

–Он жив вообще?

–Боже мой!

–Рразойтись!!!!!!!!!!

Голоса тонули в пелене, стремительно охватывающей моё яркое бескрайнее небо. Нет, не уходи!!!!!!!!!! Мой крик увяз где-то в бульканье, длившемся бесконечную долю секунды.....

Всё? А как же ананас? Я его так и не попробовал.....

Серый голубь пролетел мимо возвышающейся статуи отважному человеческому солдату и исчез в глубине бескрайнего неба притихшего после боя Аустерлица. Ни одного облачка не было в синем безграничном пространстве. Всемогущее, оно простиралось над землёй и всем, что было приклеено к ней на время своего недолговечного существования. Большинство из окружавшего меня в тот момент уже окончило это существование. И только огромное небо покровительственно обнимало всё вокруг. Послышалась возня, и через несколько минут на синем фоне появилось пухлое лицо под огромной треугольной шляпой. Задумчиво всмотревшись, человек произнёс:

«*Voila la belle mort*», – были слова Наполеона.

Глава 1

Бип-бип-бип-бип

Бип-бип-бип.

Какой безумно раздражающий звук.

Бип-бип

Да вырубите же его кто-нибудь!

Я попытался открыть глаза. Небо исчезло. На месте моего безграничного глубокого неба был теперь серый, плоский ограниченный потолок. И ни одной глупой птицы. И ни следа Наполеона. Изображение вновь размылось и стремительно померкло, погрузив меня в темноту.

На этот раз звука уже не было. Остался потолок. Как и комната, в которой я лежал.

–Спасибо. Можете идти, дальше я справлюсь сам, – прозвучал рядом голос неопределённого пола. Я с трудом повернул ватную голову.

На стульчике сидел человек необычной, но по удивительному свойству не запоминающейся внешности. Мой несфокусированный взгляд резанул яркий оранжевый платок, который он усердно мял в руках.

–Здравствуй, Алекс,– вновь произнёс этот вдруг знающий моё имя голос,– полагаю, я должен представиться. Ты, наверное, меня не помнишь – мы виделись мельком на церемонии открытия реставрационных работ. Меня зовут Юсиф Альбертович, я член городского совета по вопросам культуры.

Стараясь скрыться от его щебетания, я закрыл глаза. Но это едва ли помогло: человек в фиолетовом твидовом костюмчике умудрялся влиять своим присутствием сразу на все органы чувств: нос щекотал сильный цветочный запах и даже во рту ощущался приторный сладкий привкус.

–Мой мальчик, отдаёшь ли ты себе отчёт в том, что с тобой случилось?

Я открыл рот и будто со стороны услышал низкий старческий скрип:

–Я... – воспоминания неохотно возвращались в опухшую голову,– меня сбила машина?

Voila la belle mort

–К нашему огромному сожалению. Но, к счастью, всеобщими усилиями нам удалось тебя подлатать. Скажи-ка мне, ты помнишь, какой сейчас год?

–Тысяча восемьсот.. аааааааа ээээээ 2064.

Мужчина с подозрением помял в руках свой платок.

–Я, конечно, понимаю, что сейчас попрошу глупость, но можешь ли мне назвать своё полное имя и профессию?

Я открыл глаза и вновь уставился в потолок. Теперь он казался каким-то не таким, словно я видел его в первый раз. Странное ощущение охватило меня, что-то помимо невыносимой тяжёлой слабости и головной боли. Я поднял руку, чтобы почесать нос, и поморщился, когда кожи коснулось что-то холодное. Не медля ни секунды, я резко вскочил и сел на кровати, сбив почти всё, что было вокруг. Ноющая голова резко закружилась, и её пронзила новая волна боли. В ужасе я уставился на мешанину проводков и искусственных полимерных мышц, опутывающих железный каркас руки.

Voila la belle mort

Это началось в Иерусалиме. Неожиданная авария на одной из самых оборудованных АЭС мира. Всего за несколько часов огромные территории, резко ставшие не пригодными для проживания, были полностью уничтожены паникой. Спустя ещё три четверти суток толпы людей невообразимыми потоками эвакуировали в безопасные районы. Казалось бы, один очередной несчастный случай, подобные которому в истории случаются каждые полсотни лет. Но происшествие и не думало уходить в тень. С течением времени СМИ всё чаще и чаще делали акцент на точных цифрах потерь; теперь на каждом углу, на каждом канале, каждой странице социальных сетей было упоминание об Израильских пострадавших. Не переставая открывали новые и новые благотворительные счета для сбора средств погибающим от лучевой болезни детям, оставшимся без родителей, дома и «светлого надёжного будущего». Очень скоро всех зачихали этой катастрофой до того, что люди начинали раздражённо морщиться и отпускать едкие комментарии в сторону ничем не виноватых израильтяков.

Но никто и не думал, что это было начало. Маленькое начало огромного конца. Потому что дальше был Китай. Спустя всего четверть года после иерусалимской трагедии вдруг затопило подземную лабораторию Цзиньпин на юго-западе китайской провинции Сычуань – одну из глубочайших подземных лабораторий на Земле, работающую для обнаружения чёрной материи путём эксплуатации тонн жидкого ксенона. Медицинский научно-исследовательский центр в Японии – смешение выделяющих ядовитый газ реактивов; срыв самого оборудованного автобуса канатной переправы на горнолыжном курорте Германии Гармиш-Пантеркирхен и, под конец, утечка газа на русской военной базе.

Началась неразбериха. Многие начали грешить подозрениями на Соединённые Штаты, как всегда остававшиеся на удивление не тронутыми этой странной роковой цепочкой. Особенно обострил политическую ситуацию последний случай.

И тогда в Белом Доме прогремел взрыв.

И началась война, продлившаяся впоследствии долгих семь лет. Война, получившая название Железной войны. Тогда люди думали, что они воюют с машинами. Они безумно ошибались, эти глупые, глупые люди.

Но эта история, вообще-то, должна была быть совсем про другое.

Я любил свою семью. И сейчас, оглядываясь назад по общей привычке всех живых людей, я с полной уверенностью говорю, что она была самой идеальной из всех идеальных семей.

Когда мне было три, мама решительно начала полнеть. Она много кушала, раздувалась спереди и очень этому радовалась, что было совсем, совсем необычно. "Это чудо", – отвечала она на мой вопрос, чем же она заболела. "Внутри мамы сидит твоя маленькая сестренка", – пояснял папа. И правда, скоро из неё вылезло целое маленькое существо.

Этот день я запомнил надолго. Мы с папой сидели в коридоре. У меня в руках был букет хризантем – маминых любимых. Перед нами бегали люди в халатах. Одна беременная женщина, медленно переваливаясь с ноги на ногу, проходила по коридору. Поймав мой растерянный взгляд, она весело улыбнулась и подмигнула мне. Я покраснел, растерялся и устался в пол. Мой живот пел возмущенные серенады.

–Папа, – я потянул его за рукав, – я хочу кушать.

Папа дернулся, как от шокера, и посмотрел на меня:

–Терпи, сынок, совсем немного и мы пойдём домой.

Я не хотел терпеть. Я хотел посмотреть, как сломаются цветы, если на них с силой закрыть дверь. Потому что букет мне мешал, просто откровенно мешал. Его не помешало бы выкинуть. Замуровать прямо в стену роддома.

Но тут появилась медсестра.

–Бэй? – спросила она, указывая пальцем на папу.

Папа вскочил и, кивнув для точности, вслух подтвердил, что его фамилия Бэй.

Медсестра кивнула, наверное, тоже для уверенности, и сказала:

–Следуйте за мной.

И мы встали и пошли по коридору, папа взял меня за руку, что мне приходилось даже выпрямиться и даже слегка подняться на носочки. Мы шли, и я почти бежал за своим взволнованным папой, спотыкаясь о собственные ноги и сжимая в руке слишком большой для моей маленькой руки букет. Тот бился о мои пятки с характерным шелестом, так что скоро отец отобрал цветы и понес их самостоятельно. Скоро – ну наконец-то, мы прошли, наверное, уже полгорода – мы остановились возле двери, к которой были прибиты две цифры: 1 и 5. Мама уже учила меня цифрам и буквам, я путал только 3 и 8, и иногда 7 и 1, но эти две я почему-то понял чётко. Папа повернул ручку и открыл дверь.

Мама сидела на кровати с большим шевелящимся свертком в руках. "Наверное, это гав-гав", – почему-то подумалось мне. Это была первая и единственная мысль, которая могла прийти и пришла мне в голову. Обрадованный, я побежал к ней, широко раскрыв руки, чтобы потаскать свою собаку, обнять маму, и чтобы она сделала как раньше, когда была совсем худая, любила поднять меня на руки и, приложив рот к моей шее резко начать выдувать воздух. "Пердунки", как мы их называли. Но мама лишь высвободила руку и, улыбнувшись, потрепала меня по волосам. Сверток издавал неприятные звуки, совсем не похожие на собаку. Покряхтывания очень быстро переросли в душераздирающий крик. Я испуганно зажал уши, не в силах выносить этот ужас.

–Папа, что это? – закричал я.

Мама принялась успокаивать существо, а папа поднял меня на руки, так что я теперь мог видеть лицо – большое, красное, морщинистое лицо. Папа подождал, пока звук утихнет, и сказал:

–Это твоя сестренка. Знакомься, дружок, это Майя.

* * *

Я стал, не в силах двинуться дальше. Машина взревела и уехала, оставляя за собой облака пыли и стоящего в растерянности посреди двора парня с цветочным горшком в руке. Я кинул ей вслед быстрый взгляд. И принялся за остальное.

Дом был деревянный, двухэтажный. Большие высокие окна делали его похожими на замок, но лишь немного. Темно-зеленые стены все еще сохранили свой цвет. По ним как-то уже даже лениво висла густой плющ. Стоящее прямо рядом с крыльцом дерево норвило проделывать пару дыр в крыше.

Солнце нещадно палило, под солнечными очками лицо вспотело. Вокруг не было видно ничего живого. Не хватало только перекасти поле.

Рюкзак упал с моего плеча, громко шлепнувшись на землю в полной тишине. Я понял, что пора двигаться, вздохнул, поднял его и направился к калитке. Та вяло скрипнула, жалуясь на то, что её потревожили.

И вот настал ответственный момент: я достал ключ и засунул его в замочную скважину. Повернул. Внутри что-то тяжело шелкнуло и, кажется, упало. Дверь открылась, и я вошел в царство полумрака.

Направо и налево находилось пространство. Пространство, заполненное пылью, еще раз пылью и редкими лучами освещающего ее солнца. Я скинул вещи на пол и прошёл в зал, что был справа. Это было что-то вроде столовой. Там было так же тихо, как и везде. Мебель, стоящая нетронутой на своих местах, была накрыта сверху пленкой, перевернутые стулья изящными ножками смотрели в потолок. Создалось впечатление, что кто-то просто оставил все и ушел, не забрав с собой совсем ничего. Я попрыгал на полу. Тихо. Не скрипит, хорошо. Затем я аккуратно поставил на край ближайшего пыльного подоконника горшок с чайным деревом.

«-Подними руки.

Я поднял и задержал их горизонтально на уровне груди.

–Но ты же сам понимаешь, что по-другому нельзя. Это политика. Современное положение и всё такое...

–Подними вверх.

Я поднял. Юсиф ушел из моего поля зрения, и я начал ворочаться.

–Не вертись. Сожми и разожми кулаки. А теперь коснись пальцем левой руки носа.

–Политика? Какого черта?

–Ну как?– готов поспорить, он затеребил свой платочек,– В соответствии с законом о робототехнике...

–Робототехнике?!– мой возглас заглушил возмущения и вскрики медсестры,– неужели ты хочешь сказать, что я теперь одна из этих чертовых железок?

Юсиф торопливо подсеменял ко мне, успокаивающе вытянув ручки.

–Тише-тише, сядь. Согласно указу о киборгах 2047 года, понимаешь, все, в ком содержится больше двадцати процентов техники. . . . Поверь, на самом деле ничего особо не меняется – киборгам тоже дают права, лишь надо будет выполнять кое-какие. . . . Обязательства. Сядь, сядь, кому говорю!

Он так резко рявкнул, что я сел. Медсестра опять меня повернула и принялась светить карманным фонариком в левый глаз.

–Ты пойми. . . Мы все сделаем на лучших возможностях. Подберем тебе самый хороший дом. . . .ну, из, конечно же, имеющихся. На работе – а я же очень надеюсь, что работу свою ты не

бросишь – никто даже и не узнает. У нас самые лучшие врачи, они сделают все просто самым лучшим образом. Никто даже ничего не заметит.

Медсестра неожиданно что-то сделала, и я почувствовал, как руку что-то пронзило. Я взвыл, схватившись за бедную конечность. И тут понял.

– Я её чувствую, – я поднял глаза на девушку, – я чувствую ее.

– Дом я выберу сам. В техзоне есть много замечательно подходящих домов. Правда, не исключено, что понадобится небольшой ремонт...

Но я был отвлечен. Я трогал ноги, ткань штанов, футболку, стол – все, что попадалось под руку. Ведь я чувствовал. Я её чувствовал!»

Я присел и заглянул внутрь. Как и ожидалось, в камине не оказалось ничего драгоценного или интересного – ну, если, конечно, вы не увлекаетесь кучками совершенно неживописной золы. Встал. Прошелся вдоль зала. Остановился. На стене что-то висело, скрытое куском ткани. Какое-то время я постоял, рассматривая силуэт предмета, а затем взял за край и резко сдернул её.

На меня уставилось мое отражение. Немного новое и даже непривычное настолько, что, проходя мимо застекленных магазинов, я не мог понять, что за придурок на меня косился.

Новое отражение, если присмотреться, не обладало никакими существенными отличиями от прежнего. Разве что глаза теперь были разных цветов. За это Юсиф дико передо мной извинялся и даже предлагал мне носить линзу, но я отказался. Тоже мне, морока. Сверху лоб пересекал еле заметный шрам, который, если присмотреться, вообще исчезал.

Но выражение изменилось. Стало каким-то новым, что ли. Я поднял руку и провёл пальцем вдоль этого шрама. Дошёл до брови и одернул ладонь. Странно.

«Серый пасмурный день. Возле хлебного магазинчика «Хлеб от Банни» стоял большой розовый крендель в костюме и раздавал листовки. Недалеко маленький мальчик выпрашивал у мамы кремное пирожное. Люди вокруг торопились, подняв воротники и спрятавшись под капюшонами. В руке теплел свежкупленный кофе, а в голове сидел нестыкующийся кварталный отчёт...

Проблеск красного с белым, чей-то вскрик, яркая вспышка боли и... Ничего. Совершенно. Никакого дьявольского туннеля со светом, никаких ангелов, демонов... Ничего»

Ничего. Мне в голову пришла мысль. Ни разу я этого не делал. Но любопытство взяло верх. Я закрыл натуральной рукой правый глаз. Как там это делается? Закрывать глаз и мысленно о чём-то подумать.

«На самом деле это несложно. Вскоре ты сам не будешь замечать, как будешь это делать. А пока придумай себе какой-нибудь рычаг или сигнал. Ну не знаю, слово какое или картинка. Можешь представлять переключатель – это поначалу всегда работает. Нужно просто немного потренироваться»

Я начал представлять. Почему-то в голове у меня возник образ стоп-крана, такого, который обычно бывал в старых электричках ещё 2010х-20х годов, с красной пластиковой ручкой. Вших! – и красная пластиковая ручка переместилась вниз.

Пора открыть глаза. На счет три. Раз, два, три! Не получилось. Раз... Ах, черт возьми, как маленький ребёнок!

Я открыл глаза. Правый все ещё оставался под ладонью, но левый...

Я выдохнул. Выглядит устрашающе. Цвета пропали, оставив только оттенки и тона серого. Так вот как видит рентген... Учитывая то, что излучение вообще ничего не видит.

Вся левая рука, как и ожидалось, была не моя. Она состояла из железа, проводков, искусственных мышц и ещё бог знает чего. Третью лица была заменена. Чувство, будто смотришь на недозамаскированного робота.

Я зажмурился и тряхнул головой. Изображение вновь пришло в норму.

* * *

«Привет, дорогая Майя. У меня всё хорошо.

Хм... Давно я тебе не писал.

Представляешь, меня поселили в новый дом. Оказывается, тут совсем не так, как я думал. Он двухэтажный. Тут все такое заброшенное, тихое, уютное. Тебе бы, наверное, не понравилось. Знаешь, у меня во дворе растёт груша. Я сто лет груши не ел. Сейчас весна, и она цветёт...

Здесь почти никого нет. Такая тишина... Только птицы поют. Тут недалеко есть такое место, там бревно поваленное, оттуда было бы так классно в банки стрелять! Я в подвале старое ружье откопал. Правда, патроны закончились»

* * *

Кто-то умный как-то сказал, что в четвёртой мировой войне люди будут воевать уже дубинками, и он оказался просто чертовски проницательным. Когда война закончилась, всё стало предельно просто. Никакой умной техники, навигаторов, компьютеров, даже телефонов. Торжественно был сбит последний спутник мобильной связи.

Ты помнишь, мы сотни раз слышали, как это случилось. Это походило на сюжет фантастического фильма, так говорили взрослые. Можно было подумать, что люди сами ждали этого. Одно за другим технические изобретения взрывали всеобщий интерес. Экранизированные стены, домашняя иллюминация, поисковик ключей, онлайн-управление тостером, волновой передатчик сигналов, домашняя заправка паровых сигарет, домашняя миниэлектростанция, работающая по принципу потенциальной энергии заряженного газа и прочее. Люди сами изобретали и копили своих врагов у себя дома. А затем связали их огромной сетью и предоставили доступ ко всему, что их окружало.

Солнце в техзоне палило нещадно. К жаркому климату я привык ещё с детства, когда мама заставляла меня таскаться в панамке каждую поездку на поле. Целыми днями я шатался под греющими лучами, полон морковку со свеклой, окучивал картошку, присматривал за Майей и даже находил в себе в перерывах силы бешено поноситься со сверстниками. В панамке моя голова запотевала настолько, что пот водопадом стекал за шиворот и на лицо, но снять её, по словам мамы, было равносильно смертельному приговору. Как бы то ни было, панацеей от всех болезней панамка не являлась: на следующий же день мое лицо пересекала горизонтальная граница обгоревшей кожи, которая непременно потом замазывалась прокисшим молоком.

Я всегда ждал время посева и сбора урожая ради того, чтобы покататься на тракторе. Каждую поездку я жутко доставал тракториста дядю Женю, доброго усатого мужчину с механическим протезом вместо ноги. Часто на рабочем перерыве мы сидели с ним на ступеньке его трактора и поедали горох, бутерброды из хлеба с салом или варёные яйца, принесённые с собой на обед. Ветер трепал длинные листья кукурузы. Мы обычно молчали, но наши редкие разговоры казались мне чем-то особенным, делающим меня взрослее по сравнению с глупыми бегающими между картофельных борозд мальчишек.

—Вчера я видел, как мама Владика прятала под перчатками и тляками в своём ведре кукурузу с полей.

Дядя Женя качал головой, вздыхал и говорил:

—Ты кому-нибудь ещё об этом рассказывал?

—Нет.

—Даже маме?

—Да.

–Молодец. И не говори.

Мучимый одной навязчивой мыслью, не отпускаящей меня уже не первую неделю, я нервно пережёвывал соевую шкурку и следил за шмелём, задумчиво кружащим над клевером.

–У нас дома нет тыквы. На полях её растёт очень много. Почему мы не можем брать с поля то, что нам нужно?

Дядя Женя вытирал от крошек усы, срывал травинку и прикусывал её край.

–То, что растёт здесь, потом поедет в город. Там живёт много голодных людей, которые тоже хотят есть.

–Но нам много не нужно! Всего одну тыкву, нам хватит её надолго. Мама готовит замечательные пирожки, а ещё оладушки, сушёные кусочки в сахаре, а ещё там много-много вкусных семечек, и...

Я запнулся, когда дядя Женя грустно посмотрел на меня своими тёмными глазами.

–А теперь посмотри, как много вокруг людей. Если каждый возьмёт по тыкве себе домой, представь, как много останется тем, кто живёт в городе?

Я вернулся к рассматриванию шмеля. Я понимал, что то, что говорил дядя Женя, правильно и очень умно, но мне казалось жутко несправедливым то, что мы не можем есть то, на выращивание чего тратим так много времени и сил. К тому же большинство семей с города были там же, с нами на полях, но ведь им тоже нельзя было брать ничего из урожая. Приходилось ждать, пока фрукты и овощи попадут в магазины и на рынки, чтобы потом платить за них большие деньги.

Вдруг дядя Женя громко хлопнул себя рукой по коленке и произнёс:

–Так, муравей!

Он называл меня муравьём. Я любил это прозвище, хотя и не понимал, чем его заслужил. Муравьи все чёрненькие, маленькие существа с тоненькими тельцами и лапками, я же был скорее похож на соседского кота Мистера Фиггlsa, полного животного с короткой шерстью дымчатого цвета. Как и я, он просто терпеть не мог рассольник. Дядя Женя встал, залез в кабинку трактора и принялся искать что-то в бардачке. Спустя несколько минут лазанья в ненужных бумажках, коробках от спичек, шурупах и непищущих ручках он достал что-то слегка помятое и подтаявшее и передал его мне. Я удивлённо принялся рассматривать новое нечто. На яркой обёртке молоко заливало орехи и какао-бобы, окружавшие надпись AlpenGold.

–Это...

Я поверить не мог. Я никогда раньше не пробовал такой деликатес. Настоящий шоколад до этого появлялся в моём доме лишь два раза, и оба из них я был слишком безумно возбуждён диковинкой, чтобы толком его распробовать. В магазинах на полках лежали лишь приторные кондитерские плитки, от небольшого кусочка которых дико хотелось пить. Настоящий же шоколад на вкус был гораздо лучше. О таких удивительных сладостях, как популярные когда-то шоколадки Alpen Gold с йогуртовой, кофейной начинкой, солёным крекером, арахисом, шипучкой, вкусом диковинного шоколадного печенья Oreo с молочной начинкой, белом шоколаде с кокосовой стружкой и орешками; таинственной серией шоколадок с белой молочной начинкой KinderСюрприз и её шоколадных яйцах с игрушкой внутри, батончиках Snikers, Mars и KitKat я слышал от мамы с папой, но никогда не удостоивался счастья видеть или – о боже мой!– пробовать их на вкус.

–Тише. Спрячь аккуратно в карман, чтобы никто не видел. Съешь дома. А теперь беги, тебя мама зовёт.

Мама и правда подавала мне активные знаки с того конца кукурузного ряда. Я засунул коробочку поглубже в карман своих шорт, обнял наскоро тракториста и ринулся к ней.

Дома я положил шоколад в самое холодное место комнаты – в угол под кроватью, подальше от стены с батареей. После того, как мама отключила вечером свет, я достал её, медленно, с возней, освободил от обертки краешек и откусил кусочек. Тут же все планы на долгое,

неторопливое наслаждение полетели в дальний угол. Уже через минуту я был весь в липкой подтаявшей массе, тщетно пытаясь слизать все улики. Увлёкшись, я даже забыл поделиться с сестрой. Извертевшийся и уставший окончательно, я уснул. Когда я не выдержал и полез за своим лакомством на следующий день, рядом со мной оказалась Майя. К слову сказать, вскоре после этого я понял, что полуторогодовалым детям шоколад есть нельзя.

Однажды весной дядя Женя не появился. Завидев знакомый трактор, я привычно побежал поздороваться, но из открытой двери с места водителя неожиданно вылезла взрослая, серьезная женщина в широких спортивных штанах, заправленных в старые ботинки. Тетя Зоя, которая никогда потом не разрешала мне садиться за руль.

Я спрашивал родителей, куда пропал наш тракторист с механической ногой – мне отвечали, что он переехал в другое место. Но я так и не мог понять, почему он со мной не попрощался. В том году, 2047, вышел указ о транспортировке всех людей, содержащих в своем теле больше двадцати процентов техники, на территорию технической зоны – пустующих после войны ограниченных земель с повышенной радиацией.

Глава 2

Первое, чем я занялся после первичного исследования отведенного мне дома, была, естественно, уборка. Точнее, его распаковка. Начал я, безусловно, со спальни как самого часто используемого места. Кровать я раскрыл от пленки ещё вечером в день приезда, но незамедлительно обнаружил, что даже под прикрытием матраца умудрился стать жертвой пыли. Придирчиво исследовав его со всех сторон, ракурсов и даже ощущений, я твердо решил потратить последние деньги на покупку нового и отправился на диван, который внушал мне больше доверия.

Я пододвинул диван к огромному окну гостиной, разложил его и устроился со всеми возможными удобствами. На всех правах единственного хозяина дома я вандально поужинал прямо на нём и теперь полулежал, облокотившись на подушки и спинку, попивая чай и смотря в открытое от шторок окно. Привычно под пальцем щелкнула кнопка диктофона.

–Привет, дорогая Майя. Завтра у меня первый рабочий день после моего больничного.

Какое-то время я помолчал, думая, как сформулировать мысли. Хотел ли я на работу? Ощущения были смешанными, совершенно непонятными, лениво ворочающимися под моей грудной клеткой.

–Насыщенный выдался отпуск.

Дальше последовал нервный смешок. Я задумчиво смотрел в простирающееся надо мной ночное небо. Небо, ещё недавно бывшее для меня так близко. Это вечное небо, видевшее Аустерлиц и все три мировые войны. Сейчас оно сияло множеством ярких звёзд.

Восьмиконечная звезда с распускающимся посередине ярко-красным цветком. Рельефные грани его на солнце заселяют отблески.

–Дай мне посмотреть! Я тоже хочу померить шляпу!

–Не дам! Ты её помнешь!

–Не помну!

–Все равно не дам!

–Папка! Скажи ему!

–Алекс, дай сестре померить фуражку.

–Не дам. Её доверили мне, как самому главному. А она ещё маленькая.

Майя яростно топнула ножкой.

–Я не маленькая! Папка! Скажи ему!

–А ты отбери!

Началась возня.

–Успокойтесь все! Мы так опоздаем! Алекс, не бегай в форме, я только что тебя привела в порядок. Майя, не испачкай платье. Все готовы? Идём!

Пятнадцатилетие окончания войны отмечалось с величайшим торжеством. Все люди в городе, даже с самых дальних окраин, приходили утром на главную площадь, где устраивался большой парад. В центре ее стояла огромная статуя в память об отважном человеческом солдате, навеки застывшая в победной позе над поверженной машиной. Избранным мальчишкам-школьникам, в числе которых был и я, выдалась удача стоять по краям, отдавая честь участникам парада. Все мы были в торжественной форме с накрахмаленными воротниками рубашек, вычищенными до блеска чёрными туфлями, фуражками и значками-звездами, приколотыми на нагрудные карманы. Под торжественную военную музыку припекаемые лучами осеннего солнца мы неподвижно стояли несколько часов подряд, ограничивая толпу собравшихся для почитания памяти горожан. У меня затекла рука, но каждый раз, когда я замечал, что слишком расслабился, я тут же вновь вытягивался в струнку, выставляя локоть в сторону.

И вот началось. Длинная колонна больших военных машин, оборудованных по самым навороченным технологиям. Танки, внедорожники, всякие и всевозможные Су- и Ту-, некоторые похожие даже на коробки на колёсах. А за всей этой грудой передвижного железа шли они. Огромный строй солдат в строгой форме с почти такими же, как у меня на кармане, звёздами. Я как мог вытянулся в приветствии, охваченный яркой мешаниной нахлынувших чувств. Стражи, или, как их называли некоторые, защитники. Они шли, смотря ровно вперёд своими строгими серьёзными взглядами. Толпа за моей спиной притихла. Они шествовали, совершенно синхронно маршируя по выстланной кирпичом мостовой, и ни один мускул не дрожал на лице каждого. Владик говорил, что им запрещено смотреть на нас, пока они в строю. С каждым их шагом сердце в моей груди взволнованно подскакивало. Я не знал почему, но солдаты особых подразделений армии Защиты пугали меня и приводили в трепет. Владик много рассказывал мне про них, восхищаясь каждой устрашающей подробностью. Говорил о том, что каждому солдату по вступлению на учёбу удаляют память об их семьях, друзьях, знакомых и всём, что происходило до этого. Оставляли только базовые знания вроде тех, как ходить в туалет или держать в руке ложку. Говорил о том, что регулярно им устраивают диеты, на протяжении которых месяцами давали им из еды только несколько кореньев и кусок сырого мяса по утрам. В Защиту набирали детей и подростков. Но самым страшным было то, что поступив к ним в солдаты, уже не возвращались.

Неожиданно я поймал взгляд одного из них. Один из последних, явно новичок, он был едва на три года старше меня. Наш кратковременный контакт был похож на столкновение двух напуганных оленей в сезон охоты: напорвшись друг на друга взглядами, две пары до ужаса напуганных глаз спешно разметались в разные стороны, торопясь вернуться в нужное положение. Я потом не один год вспоминал этот граничащий с ужасом страх, смешанный с непреодолимым любопытством, который всего на секунду оказался обращён на меня. Я пытался представить, что чувствовал этот мальчишка, без прошлого, родителей, даже старых ненавистных детских фотографий в пелёнках и ползунках, обязательно хранящихся в коробочке с пучком первых волос где-нибудь в задворках шкафа. Лишь он, одинокий, брошенный со своими мыслями и вопросами.

И тогда такой же сильный ужас охватывал меня. В такие моменты я нередко выбегал из своей комнаты и крепко обнимал всех родственников, встреченных мной на пути.

Уже в четыре часа утра мои широко распахнутые глаза смотрели в потолок. Неожиданно и непонятно для чего проснувшийся мозг отказывался засыпать и спокойно изучал деревянные доски. Я вдруг почувствовал невообразимое спокойствие, которого мне так не хватало в последнее время, словно я наконец оказался дома. Есть несколько видов тишины. Бывает тишина одиночества, которая, словно тяжёлый вязкий сгусток патоки, обволакивает тебя и

сжимает в тисках, из которых ты никак не можешь выпутаться. Бывает напряжённая, звенящая тишина, состоящая из сотен тоненьких туго натянутых струн. Есть же тишина лёгкая, приятная, нежным бальзамом затекающая в уши и обнимающая что-то внутри тебя. Именно эта, последняя тишина была в то утро в большом деревянном ещё довоенном доме. Я наблюдал за тем, как за окном становилось окончательно светло, и поднимающееся всё выше и выше солнце пронизывало лучами ветви деревьев. Я изучал свои чувства, осознавая, что часть меня уже и не я по сути, а система сложных, но управляемых мной механизмов. Мысли эти, совершенно такие же, как те, которые я не раз думал лёжа в больнице, теперь имели другой оттенок, больше не пугающий.

* * *

Возле комнаты Майи было очень оживлённо. Мама плакала, не в силах сдержать эмоции. Папа тихо барабанил по двери, повторяя одно и то же.

Стараясь держаться как можно незаметнее, я, возвращаясь из ванной, пригнулся и молча прошмыгнул в свою комнату.

Бы. Меня поймали прямо в тот момент, когда я собирался открыть дверь.

–Алекс! Ну постой же, ты-то куда? Поговори с ней! Хоть тебя-то она послушает! Ну она же твоя сестра, в конце-то концов!

Я мысленно застонал. Но в чем в чём, а вот в упёртости мама с Майей были похожи.

–Мам, ты же сама знаешь, что я никак не влияю на её решение.

Мама утонула в слезах. Папа осуждающе на меня посмотрел. Я вздохнул и повернулся обратно.

–Ты куда это?

–За подношением. Скоро вернусь.

Если и нести что-нибудь Майе, то только орешки. Именно поэтому каждый раз, когда у меня были деньги, я первым делом шёл к знакомой бабушке, торгующей ими недалеко от моста.

По воле случая именно в тот день мне вернули давно забытый мной долг, и на кухне лежал пакетик лесных орешков.

–Сгиньте,– сказал я родителям, но, почувствовав, что это было слегка грубо,– пояснил:– если вы будете торчать здесь, ничего не выйдет.

Затем я успокаивающе погладил маму по плечу.

–Все будет хорошо, ты же знаешь Майю: скорее я пропаду, чем она. Все, а теперь идите. И они, слегка помешкав, спустились вниз. Я постучал в дверь.

–Майя, открой.

Тишина.

–Майя, у меня орешки.

Опять ничего. Наверняка сидит в наушниках. Тогда я сел на корточки и начал подсовывать пакетик под дверь. И в этот момент она открылась и стукнула меня по лбу. Я сел на пол, потирая ушибленное место. Майя кивнула мне заходить. Я прошёл внутрь и плюхнулся на кровать. Сестра была в своей любимой бесформенной футболке, закрывающей спрятавшиеся под ней спортивные шорты. Густые тёмные волосы какахой свисали с затылка.

–Мама с папой послали?– спросила сестра, сев рядом и подвинув меня к краю. Она открыла пакетик и высыпала орешки в один из маленьких бумажных стаканчиков для попкорна, которые хранила на полке.

–Собираешься меня отговаривать?

–Ни в коем случае,– пожал я плечами и завернулся в плед. Майя села рядом, поставив стаканчик на кровать.

–Я ценю и уважаю твоё решение, вне зависимости от того, нравится мне оно или нет.

Сестра слегка недоверчиво посмотрела на меня.

–Другого я от тебя и не ожидала.

Она загребла в руку небольшую горстку и высыпала себе в рот. Я сделал то же.

–А я от тебя этого не ожидал. Так, значит, Защита?

–А в свою комнату?

–Понял.

Я вытащил из кармана колоду карт. Мы подоновились к подоконнику. За окном было темно, видно было лишь рябиновую ветку, выплывающую из темной пустоты прямо к стеклу: свет от торшера слабо освещал её конец. На окно упала капля. И ещё одна. Вскоре дождь забарабанил по крыше и карнизу, заставляя ветку мотаться вверх-вниз.

Мы играли в дурака, разделив на двоих наушники плеера, ещё давно найденного нами в старой заброшенной забегаловке.

* * *

Передо мной стремительно проскользила, зацепилась за край папки и, подскочив про-вертелась и остановилась на самом краю стола тарелка с огромным сэндвичем. От неё пахло колбасой, дешёвым плавленым сыром и горчицей с кетчупом.

–Та-дааам! С возвращением! Я не знал, когда ты вернёшься, поэтому пришлось немного сымпровизировать. Но не думай, я гарантирую тебе, что мой фирменный бутер – лучший из тех, что ты когда-либо ел в жизни. А я редко доверяю кому-либо свой хавчик.

Я подозрительно осмотрел возвышающееся на тарелке сооружение. Один Бог кроме него самого знал, что находилось в пространстве между двумя кусками белого хлеба. А из самой середины многозначительно торчал обёрнутый в салфетку карандаш с примотанной скотчем ниткой. Чудно. Мне один год.

–Генри, спешу тебя заверить, что я очень польщён,– я как можно вежливее отодвинул от себя тарелку,– но, к сожалению, я не голоден.

–Ну и ладно. Так ты не будешь?– Генри вопросительно посмотрел на меня, указывая на сомнительной съедобности недоторт на столе. Затем, так не дождавшись ответа, он забрал тарелку к себе. Облизав со всех возможных сторон свечку-карандаш, Генри наклонился ко мне через перегородку.

–Ты, конечно, не обижайся, но я думал, что ты придешь весь такой в шрамах, с перекошенным лицом и все такое. Ты просто не представляешь, что я про тебя слышал. Кто-то вообще говорил, что тебя этим грузовиком чуть не в фарш искромсало.

Он, словно удав, раздвинул огромные челюсти и откусил от бутерброда приличную многоэтажную треть. Какое-то время ему не удавалось ничего произнести, и он потратил его на каверканье лицом. Вылезший из всех щелей сэндвича соус шлепнулся на какой-то документ на его столе. Разведя руки в стороны, Генри издал очень раздосадованный звук и принялся исправлять ситуацию. Отлично. Значит, какое-то время я был свободен от нежелательных подробностей.

Вообще Генри был хорошим человеком. Он относился к тому непробиваемо жизнерадостному типу людей, живущих под железобетонным девизом "Один раз живём". Каким-то не ведомым никому способом он, обладая всей своей неряшливостью и простотой, мог заговорить совершенно любого человека, и именно это качество крепко держало его на этом рабочем месте.

К моему столу грациозно подошла Тетя Люда, секретарша нашего начальника.

–Бэй, тебя вызывают.

Кабинет мистера Вольного был заполнен людьми. Когда я постучал и открыл дверь, все они разом посмотрели на меня. Мистер Вольный стоял у стола, опершись на руки, столешницу покрывал слой бумаг, испещрённых чертежами и подписями. Напротив него на стуле грациозно, сложив на столе руки, сидела женщина лет сорока с собранными в пучок волосами. Но изюминкой компании был...

–Мальчик мой! Наконец ты пришёл! Все тебя так ждали с больничного!

С распростёртыми руками ко мне подпорхнул Юсиф. От него опять ярчайше несло чем-то цветочным.

–Я уверен, что ты обязательно спасёшь нас. Проходи, проходи,– продолжал щебетать мужчина с платочком.

Мистер Вольный сдержанно пожал мою руку.

–Рад видеть тебя, сынок. Но долг зовёт. Стройка вновь остановлена.

* * *

Это было как раз под моё окончание школы. Прямо посередине города на огороженном сеткой и высоким забором участке принялись строить что-то очень грандиозное. Закручиваясь в свою причудливую форму, оно быстро росло, устремляясь к небу, и вскоре обрело имя. Акассея. Нас вновь выводили под торжественную музыку и вновь строили в ровные линии. На этот раз Майя тоже принимала участие в общем мероприятии. Мы стояли по разные стороны от дороги, вытянувшись ровно по струнке, когда проходило шествие. Затем все окончательно построились по обочине, и началась самая торжественная часть. На сцену вышел небольшой мужчина в синем костюме. Он поправил свой галстук и опустил к себе микрофон.

–Гхм-Гхм. Добрый день, дорогие жители нашего города! Этот яркий, праздничный день, являющийся для всех нас днём памяти и скорби, очень скоро станет для нас ещё более значимым. Ведь сегодня, на двадцатую годовщину окончания самой страшной войны в истории человечества, мы торжественно открываем не просто новое здание, не просто уникальнейший в своем роде архитектурный памятник, но и ступень в новое будущее. Мы делаем шаг в лучшее, совершенно иное, единое общество.

Мужчина ненадолго остановился и развел руками в сторону огромной зеленой конструкции, занавешенной огромной площадью непромокаемой ткани с эмблемой восьмиконечной звезды.

–Акассея будет местом вечного мира для каждого индивидуума на этой планете. Именно здесь будут мирно решаться все возможные конфликты и проблемы.

В этот момент очередной порыв ветра кинул в сторону сцены целую охапку песка. Мужчина сразу же схватился за шляпу на своей голове. Часть ткани на здании задралась и углом принялась лупить себя по эмблеме. День двадцатилетия победы выдался далеко не ясным и солнечным. На удивление даже военные самолёты не смогли разогнать приплывшие к нам темно-серые тучи.

–Дорогие..– тут пауза по причине попавшего в рот песка,– дорогие дамы и господа!– прокричал человек сквозь распалившиеся потоки воздуха, не забывая при этом держать свою шляпу,– представляю вашему вниманию Акассею!

На его последних словах хлынул ливень. Толпа резко зашевелилась, стараясь спрятать себя от льющейся с неба воды. Учителя громко засуетились о том, чтобы никто из нас не покинул свой пост. Я взглядом нашёл на противоположном конце толпы Майю – она стояла и смотрела на ровные линии солдат Защиты, неизменно стоявших по стойке «смирно». Вода капала с козырьков их фуражек, ручейками стекала по подбородкам, но все они как один держали спины прямо, а руки ровно по швам своих серых курток.

Заиграла торжественная музыка, и я обернулся в другую сторону. Ткани уже не было – она лежала на земле, пока группы людей в форме пытались её свернуть. Посреди улицы из земли росло и тянулось в самое, затянутое тучами, небо Аустерлица утонченное, высокое, роковое и прекрасное здание. Моя Акассея. с этого ракурса она была похожа на жемчужину, тихо хранящуюся под надёжными стенками своей ракушки. В многочисленных её окнах отражалось бескрайнее пасмурное небо. Я застыл в восхищении, наблюдая, как облака отражаются в длинных чередах её бесчисленных окон. Дождь продолжал поливать всё вокруг, включая

шевелиющуюся толпу и неподвижные строевые линии Защиты. А через дорогу от меня стояла моя сестра Майя.

Через три недели мы были ошарашены новостью, что она собирается стать одной из них.
* * *

Не могу поверить, что и они туда же. Мы так долго искали кого-то, кто может взяться за реставрацию, и тут на тебе! И эти строители повелись на глупые суеверия.

Об этом думал я, следуя за секретаршей своего начальника по коридору. Она и сама являлась ярким примером темы моих рассуждений: несмотря на неудобные каблуки, сотрудница шла очень быстрым шагом, ровно вытянув спину и подняв вверх подбородок, словно ей было катастрофически срочно надо на очень, очень важное дело. Обычно общительная со всеми в своем окружении, Тётя Люда, как и большинство людей в строительной компании, всеми возможными способами старалась избегать контактов со мной. Несколько раз я даже видел, как она перед общением со мной украдкой потирала свои разноцветные обереги, которые всегда носила с собой.

В окнах мелькала фигура одного из мемориальных памятников, заполнивших этот город. Они были видны почти из каждого здания в городе. Нередко проходя по офису я разглядывал ее в окнах. Но чаще я посматривал на другой объект, уникальный и восхитительный, возвышающийся над городом, пусть и не доделанный ещё до конца, но уже неизменно прекрасный. Моя Акассея.

Случайно или нет, но, смотря себе под ноги, я столкнулся с менеджером отдела проектов и еле удержался на ногах.

–Смотри, куда идешь, Бэй, или статус не позволяет? Слышал, тебе теперь есть, чем заняться. Работать – это не на камеру распинаться, да?

Эдди. Этот на редкость общительный ко мне человек не скупился на слова, испускающие неприкрытую неприязнь. Отойдя от нас на полкоридора, он обернулся и добавил:

–Да, сегодняшнее недоразумение на твоей голове – один из самых раздражительных в твоей коллекции помойных горшков.

Он никогда не забывал сказать что-нибудь про мою шляпу. Может, ему приносило это какое-то удовлетворение, может, составляло обязательную тренировку его язвительной части мозга; я был почти уверен: в ежедневнике Эдди обязательно имелась отдельная колонка, в которую он отмечал все метафоры, придуманные им для моих шляп. Мы зашли в кабинет с документацией, и Тётя Люда сунула мне несколько вытасченных из папки отчётностей бумаг.

–Вот. На днях заедешь и выяснишь, что у них случилось. А сейчас отнесёшь вот это по этому адресу. Всё написано здесь.

И сверху папки прилип жёлтый стикер, исписанный низким почерком. Такие стикеры являлись неотъемлемой частью работы Тёти Люды, которая писала на них почти всё, начиная указаниями к работе и заканчивая некоторыми не особо важными отчётниками. Коснувшись в очередной раз своих оберегов, женщина повернулась на каблуках и заспешила куда-то в сторону. Я горделиво поправил свою шляпу и пошёл выполнять поручение. Первый рабочий день выдался безумно позитивным.

Глава3

–Здравствуйте, могу я вам чем-нибудь помочь?

Я оторвался от увлекательного чтения о свойствах и внутреннем устройстве нового пружинного матраца и поднял голову на худенького молодого консультанта со слегка скошенным носом и россыпью угрей на щеках.

–Да, я бы хотел купить матрац. Предупреждаю: нужен очень мягкий и... вот такой.

Я стал в вертикальную "звездочку", растопыбив руки и ноги в стороны. Все мое красноречие едва ли могло передать обширность моей новой, чуть ли не королевской кровати.

Консультант почесал вышеупомянутый мной нос и сложил руки.

–У вас прекрасный вкус. Я бы посоветовал вам взять нашу новую модель – пройдемте, я покажу.

Молодой человек ловко развернулся на каблуках и двинулся куда-то в сторону высоких цен и крайне иностранных надписей. Чувствуя, как кошелек в моем кармане уже испытывает легкое несварение, я пошел за ним, попутно присматриваясь к чему-нибудь подешевле. В салоне магазина играла медленная навязчивая музыка.

–Дорогой мой мальчик! Вновь мы встретились, какое совпадение! И какая замечательная на тебе шляпка!

Неожиданно ко мне совершенно изниоткуда выпорхнул Юсиф. В его руках неизменно томился яркий платок. С утренней нашей встречи его цвет сменился с красного на желтый. Видимо, этот был как раз для походов за матрацами. Глядя на этот платочек, я вдруг четко понял, кого Юсиф мне так напоминал. Это был гном. Не какой-либо там гном, а обычный садовый керамический гном, которыми кишат склады хозяйственных магазинов и палисадники одиноких старушек. Проходя мимо этих маленьких ярко раскрашенных существ, всегда чувствуешь, как за тобой неотрывно следит цепкий внимательный взгляд. Такие гномы нередко ставятся возле дома для отпугивания воров и нежелательных посетителей. И именно с одним из них мне не посчастливилось встретиться в магазине матрацев. Консультант, немного растерявшийся от неожиданного появления еще одного слушателя, принялся рассказывать про преимущества цветастого массажного ложа, раскинувшегося всего в нескольких сантиметрах от нас и всего в метре от кассы. Правда, совсем скоро энтузиазм его потух, парируемый лавиной каверзных вопросов, обрушившейся на него со стороны Юсифа. Видимо, решив, что покупать мы ничего не будем, молодой человек грустно еще раз почесал свой нос и отправился куда-то по своим делам. Мы же остались вдвоем. Интересно, гномы тоже попадают под уголовную статью? Юсиф сделался вдруг пугающе серьезным. Он принялся усердно запихивать платок в свой нагрудный карман.

–Ты же понимаешь, что теперь всё будет по-другому, ведь так?

Моё нехорошее предчувствие стало ещё сильнее. Я не нашёл ничего оригинальнее, чем начать проверять мягкость отрекламированного консультантом матраца. Юсиф смотрел будто в сторону.

–Ты уже рассказал кому-нибудь?

Я сел и принялся пружинить на мягкой поверхности. Она оказалась такой удобной, что у меня сразу возникло желание распластаться на ней прямо посреди магазина. Зря я это сделал – теперь моему кошельку точно грозило срочное похудение. Видимо, расценив мою реакцию как хороший знак, Юсиф продолжил:

–Запомни: никто не должен знать ни о твоей руке, ни о твоём новом жилище, ты понял?

Я сложил руки за головой и принялся наблюдать за ползущей по белому потолку мухой.

–Мы делаем это не просто так. Это всё во имя мира, ради юбилея, которого все так ждут. В последнее время ситуация слегка обострилась, так что... Акассея должна быть достроена. Ты должен сделать всё, что угодно, чтобы она была готова к грядущему двадцатипятилетию. Но нас беспокоит некоторое оживление, возникшее за недавние годы в техзоне. К сожалению, закон запрещает нам вмешиваться, так что тебе придётся выполнять кое-какие наши поручения время от времени.

–Это незаконно?– спросил я вдруг. Вопрос слегка озадачил моего собеседника: фарфоровые глазки забегали в стороны, а маленькие ручки вытащили и вновь принялись комкать платок.

–Законы принадлежат тем, кто их устанавливает и создаются для того, чтобы поддерживать порядок и мир. Мы нарушаем их с той же целью.

Ага. Незаконно, значит. Муха на потолке оторвалась от потолка, прокружилась вокруг своего места и села на лампочку.

* * *

Я остановил мопед и поставил ногу на землю.

–Приехали.

Майя сняла шлем и слезла.

–Тут всё совсем так же.

Она забежала внутрь, а я затормозил, ставя мопед на место.

Возле дороги стоял старый заброшенный магазинчик, на котором большими буквами было вывешено: "минимаркет "Придорожный"". Краска облупилась и кусками болталась на стенах.

Внутри совсем ничего не изменилось. Стеллажи, на которых уже давно сгребли все вкусное, стояли вдоль стен. Над кассой висела огромная штука, забитая всяческими сигаретами. За стеклянной витриной лежали пачки жвачки, которая быстро рассыпалась во рту на маленькие кусочки. Я подумал и взял самую обнадеживающую. Майя нашла под ножкой одного из стеллажей ключ и открыла дверь в подсобку.

–Не думаю, что они ещё там,– сказал я, перелезая через прилавок. В ответ сестра молча достала оттуда спортивный зеленый рюкзак.

Ещё когда мы тайком от родителей ездили сюда в 12-14 лет, оставили здесь два рюкзака со всякой всячиной, которой нельзя было найти в магазине.

Прохладный ветер трепал волосы – самое лучшее, что может быть в жаркую августовскую погоду. Я остановился и развел руки в стороны. Мой весёлый крик раздался по всему пейзажу. Майя тоже не стеснялась: мимо меня с горки пронеслось смеющееся в голос существо.

"Вот что значит счастье"– подумал я,– "когда кидаешь все свои взрослые причуды и возвращаешься в детство".

Мы устроились на верхушке соседнего холма, достали еду. Перед нами раскинулась роскошная панорама заросшего зеленью города. Мы не раз облазили окраинные улочки, исследовав всё самое интересное и безопасное на вид. Вот перед нами, далеко внизу, живой когда-то, когда-то великий и знаменитый своими инновациями город. Теперь от него остались только единственно надежные, но все равно не вечные памятники архитектуры. Все густо заросло растениями: могучая природа, вознагражденная за долгие годы терпеливого ожидания, теперь радостно торжествовала.

Город был совсем пустой. Заброшенный. Нам нельзя было туда ходить, потому что после войны он был радиоактивен. Маленькими мы не знали еще, что это значит, и просто думали, что если мама не узнает, то ничего страшного не случится. Солнце садилось, окрашивая в оранжевый контуры крыш, пики и купола.

–Можно я скажу кое-что?– спросила Майя, дожевывая бутерброд,– насчет послезавтра.

Я напрягся, глядя на чай, болтавшийся в крышке термоса.

–Да?

–Я, конечно, уже никогда не смогу узнать наверняка, но, когда я уйду, если разреветься – то братом мне больше не будешь.

–Я и так больше им не буду,– ответил я, наблюдая, как в круже пролетают, освещенные последними лучами солнца, оранжевые облака. Ветер стал немного холоднее.

Ты всегда знала, что я сентиментальнее тебя.

* * *

«Привет, дорогая Майя. Лёжа сегодня перед сном на новом матрасе, я долго не мог понять, где в «Войне и мире» были гномы. В голову почему-то постоянно лез один Наполеон. В конце концов про себя я решил звать Юсифа Денисовым, как низкого и полного человека по внешности. Знаешь, я продолжаю изучать особняк; вчера залез на чердак, думаю перетасовать туда все ненужные вещи вроде детской кроватки, телефона, компьютера и спутниковой тарелки. Вот не зря говорят, что если кухня – сердце дома, то чердак – это его душа. Столько

хлама из прошлого, копать в котором просто безумное удовольствие. Представляешь, там есть самоучитель на гитаре, рояле и пианино! А ещё энциклопедии истории культуры народов довоенного времени и... внимание... Все три тома «Войны и мира»! Помимо кучи мешков, набитых старой и не совсем старой одеждой для разных возрастов и полов, детскими игрушками и коробками книг я нашёл искусственную елку ростом с меня и залежи гирлянд и елочных шариков. Плюнув на всё, я обложился своими находками, обвешался ёлочными игрушками и уселся под ёлку читать Толстого и ностальгировать о наших старых семейных праздниках. Просидел так, пока не проснулся от того, что сильно замёрз. Ты, наверное, сейчас закатываешь глаза, потому что я опять вдался в эти же сопли. Когда ходишь по дому и понимаешь, что у него своя жизнь, возникает такое странное чувство....

Пауза

Люблю тебя»

* * *

Шёл жуткий ливень, они очень зачастили в последнее время. Беспощадный ледяной ветер – чертово штормовое предупреждение – залезал под плащ и трепал его со всей сверхъестественной ветряной дурью. Ботинки увязали в грязи: с каждым шагом она жадно впивалась своими кариевыми зубами в ноги, и слышался громкий плотоядный чавк. Деревья качались из стороны в сторону, невидимые за серой стеной непрерывно льющейся с неба воды, со стороны слышался скрип чего-то огромного и, видимо, не такого уж несокрушимого. Вода стекала с капюшона на придерживающую его руку, на нос и подбородок.

Я подбежал к калитке и постучал в мокрую шершавую поверхность, сбитую из неровных досок.

–Эй! – вода заливалась в рот.– Открывай!

Ответа не последовало. Естественно, в такой-то шторм. Я забарабанил яростнее.

–Просыпаемся! Начальство привалило!

Я ещё раза два пнул деревяшки, когда с другой стороны послышалось ответное грязевое чавканье. Щеколда отодвинулась, обиженная калитка, скрипя, отпрянула, и я увидел низкого человека в синем полиэтиленовом плаще. По складкам ручьями тек дождь, превращаясь в водопады и озера. Из-под капюшона плаща выглядывал широкий картофелевидный нос, с которого, как из крана, капала вода. Его обладатель оглядел меня.

–Ты кто?– последовал вопрос из-под носа.

–Я проектировщик. Так и будешь меня здесь держать?– заорал я сквозь шум дождя. В отличии от меня, мой собеседник говорил, не утруждаясь, но его слова отчетливо звучали в моих ушах. Майя как-то говорила, что у меня слишком невыделяющийся голос, который очень быстро теряется, и от этого люди не всегда воспринимают несомую им информацию. Её слушали всегда, как бы громко или тихо она ни говорила.

–Ну и что, что ты проектировщик?– из-под плаща высунулась рука и стерла рукой с носа огромные капли. Честно сказать, движение это было совершенно бесполезное.– Я, может быть, парикмахер.

–Разберемся. Всех парикмахеров со стройки удалим. Пустишь меня или нет?

Мужчина-нос меня пустил. Продолжая кутаться в куртку, я последовал за ним. Насколько было видно сквозь ливень, приостановленная стройка заступорилась на самой важной части – верхнем этаже. Досадно.

Внутри, однако, Акассея оказалась лучше, чем я ожидал. Не настолько хорошо, как следовало бы, но работа по реставрации была произведена колоссальная. Главный холл простирался по полумраку, расплываясь на дальнем конце. Арки, колонны, плитка и прочая роскошь жизни резко контрастировали с обогревателем, подключенным в уголке к торчащему неизвестно откуда тройнику и с таким чудом техники, как кипятильник. Масляная лампа тихо и мирно горела себе на полу рядом с группой мужчин, греющих руки и поедающими что-то

быстрого приготовления. Маленький островок обыденности, клочок картинки, вырезанный из цветной газеты и приклеенный на страницу архитектурного журнала. Я расстегнул плащ и, надеюсь, впечатляюще откинул капюшон. Начальству все-таки, надо выглядеть подобающе.

–Ну,– я ещё раз окинул широким взглядом помещение,– в чем проблемы?

Один из мужчин поставил на пол коробочку с едой, вытер руки о свою куртку и встал рядом с моим провожатым.

–Ты кто?

Да, не так я ожидал душераздирающую встречу с начальством. Хотя, чего ещё стоило ждать от тех, кто даже в живую меня толком не видел? Я вздохнул, залез в сумку и достал удостоверение:

–Алекс Бэй, ведущий проектировщик данного здания. Мне сказали, что у вас проблемы. Итак?

Мужчина вытер усы, шмыгнул носом и вновь осмотрел меня пристальным взглядом. Я почувствовал, как по спине течёт Ниагара.

–И они не нашли никого старше, чтобы решить наши проблемы?

Он усмехнулся, я нахмурился. Почему все так яро не воспринимают меня всерьёз?! Я открыл было рот что-то сказать, но сидящий у обогревателя человек махнул мне рукой.

–Ааа какой сурьёзный маладой челавек! Иди садись суда.

Мужчина с усами протянул мне большую волосатую руку:

–Петр.

Я кивнул и пожал руку.

Вопреки всем моим опасениям, ожиданиям и сопротивлению, меня посадили на деревянный ящик с греющим содержимым и выдали старую железную кружку с чем-то тёплым, но подозрительным внутри. Я сел аккуратно, стараясь не порвать джинсы о торчащие гвозди. Я кое-как выжал волосы. Мужчина, позвавший меня, коротко сказал что-то на другом языке, похожим на армянский, и все разом захохотали. Смеялись явно надо мной. Да что они меня, за шута, что ли, держат? Я хотел было встать, но на плечо мне опустилась тяжелая рука.

–Не торопись, малыш. Ливень. Успеешь ещё.

–Что вы имеете ввиду? Извините, но мне надо скоро идти. Я пришёл, чтобы исправить проблему.

Кто-то снова хихикнул, а Петр ничего не сказал. Голоса запрягали по холлу, вскоре потонув в пространстве. Я встал.

–Показывайте мне, что у вас случилось.

Тишина. Все смотрели в сторону. Не в одну, а в разные. Смотрели и молчали. Меня это сильно разозлило. Словно поминки мне какие устраивают, честное слово.

–Кто-нибудь ответит меня показать, в чем проблема?

Безошибочно приняв усатого Петра за старшего, я смотрел на него. Тот кашлянул в руку, почесал усы и посмотрел куда-то мне за спину.

–Ванька, отведи начальство, куда оно просит.

Я обернулся. Из угла, что был за моей спиной, вышел мальчишка лет двенадцати в большой для него черной куртке с отсвечивающими наклейками на рукавах. Он подшлепал ко мне в своих кроссовках на высокой подошве и потянул меня за рукав.

–Пойдем.

Я помедлил, подозрительно оглядел присутствующих, затем поставил кружку на ящик и последовал за парнем.

Мальчишка вел, как не странно, вверх, к самой крыше. Мы поднимались по лестнице, а я почему-то смотрел на эти отсвечивающие полосы на рукавах его куртки. Она выглядела на удивление новой и катастрофически большой для хозяина. А вообще, откуда на стройке Акассеи мальчишка? Неужели он один из работников?

Почему-то мне стало стыдно. Так стыдно, будто я виноват в проблемах всех сирот мира. Мальчишка держал в руке большой карманный фонарь, работающий на дешевых батарейках. Я шел сзади. В конце концов я решил завести разговор:

–Тебя как зовут?

Мальчишка обернулся, посмотрел на меня и сказал:

–Ванька.

Я готов был закрыться капюшоном. Точно, блин, говорили же. Стыдно стало ещё больше.

–Расскажи мне о вашей проблеме. Что случилось?

Мальчишка посмотрел на меня своими большими, светящимися в темноте глазами.

–Нельзя достроить верх.

–Почему?

–Мы думали, нам объяснит начальство. А, начальник?

Дальше с расспросами я решил повременить. Почему-то этот дерзкий мальчишка вызвал у меня ощущение жуткой неловкости, словно я был первоклашкой, случайно заблудившийся среди выпускников. Он же, напротив, не выказывал ни намека на стеснение, насмешливо подковыривая меня каждой фразой и светя при обращении прямо в лицо. К несчастью у меня начала болеть голова, совершенно некстати. Мы продолжали подниматься по кирпичной крутой лестнице, пока вверху над нами не выросла деревянная загородка из строительных досок. Ванька остановился и надел на голову капюшон.

-Не соизволите ли надеть ваш плащ, гражданин начальник – на улице слегка ветрено!

Подождав меня полминуты, он передал мне фонарь и двумя руками вытолкнул перегородку наверх.

Бушующий ветер чуть не снес мой капюшон. Непогода пробралась на верхний этаж Аксеев через мотающуюся из стороны в сторону пленку, закрывающую дыру в крыше. Луч фонаря прорезал сырой и холодный сумрак, вырывая из него куски барельефов, строительные приспособления и голые куски каркаса, протекающие небо. Мальчишка направился куда-то в сторону, к несущей стене здания. Я поторопился за мигающими в темноте отражающими полосками. Ветер трепал плащ, пришлось придерживать капюшон рукой.

Проблема была.. Я не понял, в чем заключалась проблема, смотря за тем, как мальчишка берёт в руки кусок железного стержня.

-Посвятите сюда!

Не успел я опомниться, как малец замахнулся и со всего размаху ударил стержнем по куску стены. Раздался громкий, отчетливый металлический кланг, прорезавший завывание бушующего ветра, шум ливня и истерику мечущейся пленки. От стены откололся и, раскрошившись, просыпался толстый кусок штукатурки. Под ней оказался железный лист. Дырка была огромной, видно было, что данный эксперимент проводили далеко не один раз. Но факт стал ребром: по не понятной никому причине сердцевина несущей стены была сделана из железа. Голова загудела сильнее, из-за простуды ли или проблем, а, может, из-за всего сразу.

-Что это значит?– зачем-то спросил я, не переставая лазить лучом фонарика по стене. Мальчишка пожал плечами.

-Тебе лучше знать.

Я поежился от жуткого ветра и сырости. Что делать с железной стеной посередине реставрируемого здания? Я хотел пронизать её укрепленными стержнями. Я хотел провести через неё кабель связи. Я хотел... А к черту теперь все, что я хотел.

-Вы пробовали вскрыть её?

Чтобы получше рассмотреть, я присел перед дыркой на корточки. Прикасаться к ледяной поверхности хотелось в последнюю очередь, но я забрал у мальчишки шест и аккуратно постучал. Звук был сомнительным. Бросив опасливый взгляд на мальчишку, я рискнул и переключил зрение.

Внутри стены снизу вверх шел толстый кабель. Я поднял голову. Он тянулся к самой крыше, заканчиваясь у края обвалившейся части. И на самом его конце мигал подозрительный огонёк. Я вскочил на ноги и без объяснений направился обратно. Кабель тянулся ниже и ниже, вдоль осевой спиральной лестницы, по которой я неся, от любопытства перескакивая через две-три ступеньки. Сзади слышался шум спешащего за мной мальчишки. У самой последней ступеньки кабель уходил в пол. Я видел его продолжение подо мной своим левым глазом. Я сел на корточки и огляделся в поисках пути вниз. Ориентироваться в здании, которое сам проектируешь, без чертежей было гораздо сложнее. Скрипя кроссовками, ко мне подбежал Ванька.

-Как спуститься вниз?– спросил я.

В подвале произошла та же история: казалось, кабель шёл сквозь планету, словно леска в бусине. Я стал перед его корнем, зачем-то светя себе под ноги. Мальчишка стоял в стороне, едва ли понимая, зачем я пялюсь в голую стену. Я, конечно, был сильным тормозом, но даже я знал, что ниже подвала в здании ничего не было. Вздохнув, я принялся расхаживать по периметру, просматривая пол своим волновым зрением. Материал плохо пропускал сигнал. С грустью я подумал о том, что придется ещё пробираться до дома.

Минута седьмая поисков увенчалась успехом: в углу возле стены в полу оказалось отверстие, прикрытое сверху мелкой сеткой. Издав полурадостный возглас, я принялся отковыривать её, но вскоре понял, что это не так-то просто. Я содрал себе почти все пальцы, чтобы сделать небольшую дырку. С грустью оглядев свою работу, я вздохнул и обратился к мальчишке:

-Ну, чего стоишь – тащи лом.

Вместе с ломом в комплекте оказалась вся группа возмущенных рабочих. Привалившая в подвал толпа стала передо мной с любопытно-нерешительными лицами. Стараясь придать себе как можно более уверенный вид, я требовательно протянул руку Петру. Но тот отвел лом в сторону.

-Это что-ж, начальник, мы строили, а теперь ломать? Так определитесь, что вам надо. Нечего народ морочить.

Я не убрал протянутую руку.

-Вы вызвали меня, чтобы я устранил проблему, чем я, к слову сказать, на данный момент занимаюсь. Так не пора ли нам прекратить валять дурака и вместе приступить к работе, чтобы поскорее все это закончить?

Я требовательно оглядел толпу. Народ стоял молча, кто-то, как и предводитель, с вызовом, кто-то просто отводил взгляд или смотрел себе под ноги. Ненадолго наступила тишина.

-Просто дайте мне лом.

Полминуты Петр помедлил, играя со мной в гляделки. В конце концов он передал инструмент в мою протянутую руку. Я победоносно принял железный трофей и подошёл к проблемному месту в полу. Толпа осталась в своем положении. Чувствуя себя слегка неловко под их взглядами, я решил спросить:

-Никто точно не знает, как здесь можно пробраться вниз?

Тишина. Тогда я спросил ещё, для уверенности:

-И помочь мне тоже никто не собирается, так?

Вновь тишина. Тогда я собрал все остатки своего достоинства и, гордо замахнувшись, принялся дубасить пол ломом. Так прошло около пяти минут. Толпа за это время уже успела заскучать и слегка потеряла свою гнетущую хватку. Кто-то ушёл, вернувшись к обогревателю на первом этаже, кто-то начал беседовать, параллельно закуривая сигарету. А я с упорством осла, коим себя в тот момент и чувствовал, отбивал штукатурку и выкапывал из неё прогнущую мелкую сетку. Так прошло минут пятнадцать. Чувствуя, как мокрые от крови пальцы прорывают последние прутья, я радостно освободил остатки расширенной с такими усилиями дырки. Половина работы оказалась сделана: не без риска, конечно, застряв, моё тело теоретически могло пролезть в образовавшийся проход. Я прислонился к стене, осматривая результат своей работы. Прыгай в кроличью нору, Алиса.

Заметив некоторое изменение, работники начали потихоньку затихать и возвращаться вниманием ко мне. Засунув руки в карманы, Петр окинул меня взглядом и спросил:

-Ну, и что дальше?

Чувствуя себя маленькой девочкой на взрослом празднике, я злобно зыркнул на толпу. Кажется, от меня ждали коронного стихотворения вечера.

-Посветить, я надеюсь, здесь хоть кто-то сможет? Или это тоже вам не по силам?

Толпа потихоньку подобралась ближе, с любопытством заглядывая мне за спину. Внизу было темно. Луч фонарика проскользил во мраке, не поймав там совершенно ничего. Надо было спускаться, только вот лезть в непонятную темную дыру, да ещё без гарантии, что меня заботливо не оставят пускать под землей корни, хотелось не очень. Мало того – это было глупо и безрассудно. Надо было предпринять что-то, что бы завоевало их доверие. Или уважение, как минимум. Я встал с корточек и обвел толпу уверенным гордым взглядом.

-Под этим зданием что-то есть, и, поскольку никто из вас не проявил смелости сделать это, я собираюсь спуститься и проверить. Кто со мной?

По группе прошлась волна смешков. Рабочие начали с любопытством оглядываться, стараясь найти дурачка, спешащего мне на помощь. Я же понял, что все это совершенно бесполезная трата времени, поэтому без предупреждения просто развернулся, присел и пролез в нору, почувствовав, как штукатурка оцарапала мой многострадальный плащ. Твердый пол неожиданно быстро врезался в ноги и колени, а сверху на голову посыпался дождь из земли и штукатурки. Цепляясь конечностями за какие-то веревки, я подполз к отлетевшему в сторону фонарику и осветил помещение. Гудящая голова не переставала раздражать и путать мысли.

Оно оказалось на удивление небольшим, скорее напоминало кладовку для всякого чистящего барахла, только барахлом этим там даже не пахло. Пахло земляной сыростью и проводкой. Нервно ругнувшись про себя на непутевого электрика, из-за которого пришлось поднять такой шум, я неуклюже развернулся в небольшом пространстве между вереницей проводов. Пора было позорно и ни с чем вылезать из этой дыры. Мой левый локоть больно нашел железный щиток. Остановившись на минуту и потирая ушибленное место, я решил в последний раз осмотреть это место. Красная ручка стоп-крана электрички опустилась вниз.

Провод, пронизывающий здание, действительно вел к электрощитку. Но вот только содержимое этого щитка вряд ли было предназначено для распределения электричества по зданию международного мира и согласия. Окруженный намагниченными лентами, запоминающими микросхемами и проводами, внутри непрерывно мигал небольшой экран. Я тут же принялся открывать тугую железную дверцу.

Вождя вьетнамской революции, первого Президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина вьетнамцы считают «отцом нации», основателем независимого государства. От лидеров национально-освободительного движения Азии и Африки Хо Ши Мин отличался большой скромностью. Он никогда не интересовался материальными ценностями, одевался очень просто, собственности не имел, семьи тоже. Весь его гараж, уже как официального лица, состоял из двух машин – советской «Победы» и французского «Пежо». Его волновали идеи построения нового демократического и свободного Вьетнама. Поэтому для достижения поставленной цели он жертвовал всем. Именно этим он и завоевал доверие своего народа – своей непосредственной к нему близостью.

Первый русский император собственноручно участвовал в постройке первого русского флота, проживая в одних условиях со своими работниками.

Секрет успеха состоит в сближении, – думал я, попутно стараясь как можно лучше закрыть разбитую мной дыру в полу искалеченной сеткой. Надо было каким-то образом убедить всю эту толпу поверить мне, пока я не разберусь со всей этой чертовщиной. Оценив свою неуклюжую работу, Я разогнулся и требовательным голосом произнёс:

-Об этой дыре никому ни слова, ясно?

Главное – сближение. Да.

Толпа заволновалась. Вероятно, им показалось довольно подозрительно, что я так неожиданно переменял своё поведение. Возросшее недоумение ещё больше разгорело томящееся внутри любопытство.

-Что же там такое, начальник?– спросил черненький работник с густой щетиной,– уж нам-то можешь сказать.

Этот вопрос я ждал. Только вот ответа на него так и не придумал, черт возьми. Открыв было рот для ответа, я вновь закрыл его, вздохнул и потер руки.

-Ребят, я хочу рассчитывать на ваше доверие, пока сам во всем не разберусь. Мне нужно лишь немного времени, чтобы вы просто ничего никому не говорили, ясно?

-А с чего бы нам доверять какому-то мальчишке? А вдруг тебя на какой другой стройке чем тяжелым придавит, а мы и знать – не узнаем? Что мне, сидеть как собака сторожить дыру в полу?– сказал Петр.

-А что там?

-Рассчитываешь на доверие? Сначала докажи!

-А вдруг там бомба?

Возмущения посыпались со всех сторон. Осмелевшие под примером своего предводителя строители входили во вкус. Срочно требовалось как-то завоевать их доверие. Сблизиться и не упасть в их глазах, причём незамедлительно. И поэтому я уверенно начал снимать куртку.

Уверенный взгляд, крепкая хватка, сосредоточенное лицо, но главное – показать, насколько тяжело далась эта победа. Напрягшись до покраснения лица, я принялся покряхтывать и слегка поддаваться. Толпа вокруг довольно загалдела.

ДавайдавайдавайдавайВоооооу!

Левая рука Петра шлепнулась о стол тыльной стороной ладони. Хозяин освободил её и недоуменно потер конечность, словно неожиданно обнаружив, что она у него есть. Я победоносно выпрямил спину и протянул руку за своей курткой. Мальчишка оказался собранным не из того конструктора.

–Так договорились?– я выжидающе посмотрел на Петра как на главного в этом детском саду. Тот уважительно кивнул.

–Но у тебя есть три месяца на разборку с этой штукой. Если результата не будет – я буду вынужден рассказать об этом настоящему начальству.

Настоящему, значит. Что-ж, ну и на том спасибо. Мы пожали друг другу руки, и я уже отложил эту проблему в большой проблемный мешок, мысленно уже давно заваривая чай с бергамотом на своей новой уютной кухне.

Глава4

"Привет, дорогая Майя.

Сегодня седьмое мая, твой День Рождения. Не знаю, зачем, но я, черт возьми, праздную. С девятнадцатилетием, сестренка.

Прошло полмесяца, как я переехал сюда. Знаешь, груша второй раз зацвела! Шикарное зрелище, ты бы видела. В моём доме два этажа, но иногда он кажется таким огромным. Совсем недавно я сел за стол в зале. Ешь, и как будто какой-то король без свиты. Стол сам по себе такой огромный. И зал, будто дворцовый.

Я здесь совсем один.

И всё это огромное пустое пространство наедине со мной. Этот дом, комнаты, мебель – они здесь все старше меня. Я словно маленький ребенок, оставленный среди толпы старых.

В новом месте я чужой. Местные смотрят на меня с недоверием, как на шпиона. Недавно зашел в магазин, так у меня было такое ощущение, что меня на кусочки разорвут. Еле хлеб вырвал из рук продавщицы. От денег она вообще шарахнулась, будто я там бомбу заложил. Всю еду приходится покупать в городе – каждый день еду, как в голодный край. Я ведь в кулинарии максимум могу бож-пакет заварить, и то получается, как клейстер (что я уже делаю не так?). Помнишь тот передатчик, который я нашёл на Акассее? Я рассказывал про него в прошлой записи. Я всё упорно пытаюсь разобраться, что же он шифрует. Я назвал его Ленни. Почему-то во мне присутствует твёрдая уверенность, что Ленни нужно как можно дольше сохранить в тайне. От меня требуют отчётов и результатов, но я лишь отвечаю запутанными фразами и тяну время, пока в моих ответах пытаются разобраться. Знаешь, мне кажется, что код, который он пишет, значит что-то очень важное. Я когда-нибудь расшифрую его. Обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.